Василий Алексеевич Левшин

Повесть о Тугарине Змеевиче

Я рождена от Болгарского князя Богориса и Казарской княжны Куриданы Чуловны в городе Жукотине, где в летнее время родители мои обыкновенно провождали по нескольку месяцев. Сей город лежит на луговой стороне реки Волги и тем доставляет великие выгоды к разным забавам: рыбные ловли и звероловство по рощам на берегах волжских были лучшею утехою моей родительницы, а особливо когда она нередко принуждаема была вести дни без Богориса, отзываемого войнами противу неприятелей.

Случилось некогда, что обры объявили нам войну; родитель мой не хотел дожидаться впадения их в свои области и предварил оных наступлением. Куридана, мать моя, искала разгонять грусть свою обыкновенными своими охотами. Сети закинуты были чрез всю ширину Волги, гнали рыбу болтами во многочисленных лодках. Сама мать моя плыла впереди на позлащенной ладье, со всеми придворными и телохранителями. Вдруг на другой стороне реки стоящие горы расступились надвое с превеликим треском, и из отверстия появился дивий муж, едущий на двух крылатых конях в колеснице, сделанной из стали. Он слетел прямо на воду и ехал по реке, ровно посуху, прямо к ладье княгининой. Тотчас послали у него спросить, откуда он и как смеет подъезжать к лодке княжеской без доклада? Но сей дивий муж был превеликий чародей, который до тех пор никому не показывался и известен был только по производимым лютостям; он дунул на посланную лодку и перевернул оную вверх дном, так что людей едва спасти могли. По сему враждебному поступку вся стража княжеская пустила в него тучу стрел, но оные, не долетя до него, обращались назад и падали переломленные в воду. Чародей приближался, все пришли в великий ужас; он одним словом остановил ладью, и руки гребцов учинились недействующи. Вступив на ладью, открылось его намерение, что он хотел похитить княгиню, мать мою, ибо он тотчас бежал к ней с распростертыми руками. Но сколько раз приближался, толико ж раз отвергаем был назад и коверканьем своим оказывал, что его невидимый огонь опаляет. Он ворчал некие варварские слова, коих никто разуметь не мог, и кои, конечно, были волшебные, но ничто не помогало; он стал на колени и изъяснял матери моей жестокость к ней любви своей, обещал ей тьмы утех, владычество над всем светом, если предастся в его руки, что может учинить снятием с себя талисмана. Сей талисман имела Куридана на шее, повешенный при рождении ее от некоторой благодетельствующей волшебницы; и, услышав, что оный защищает ее от похищения, подумала, не может ли оный удалить прочь сего мерзкого чародея, вынула она оный наружу и поставила противу глаз его. Чародей переменился в лице, страшные синевы покрыли оное, пена била из рта его. Он усилялся воспротивиться, но ударен был о землю, после чего, вскоча, делал великие угрозы.

– Не думай, – говорил он, – чтоб спаслась от рук моих: я принужу твоего супруга предать тебя во власть мою! Я пошлю такие казни на землю вашу, кои довольно отмстят твое презрение и поспешат моим желаниям! Верь мне: я клянусь Чернобогом, что или погибну, или достигну моего намерения! Вскоре увидят меня пред стенами Боогорда.

Проговоря сие, воскрежетал он страшно и исчез со своею колесницею.

Куридана возвратилась в великом ужасе и не смела долго медлить в таковом страшном соседстве; она переехала того ж дня в укрепленный город Боогорд и не смела выходить из теремов своих.

Наутрие появился на полях городских страшный двое-главый крылатый Зилант [*Зилант на болгарском языке значит дракон, или, по-славенски, смока. Сей крылатый змий жил близ города Казани, в горе, коя прозвана по имени его гора Зилантова, и ныне стоящий на оной монастырь именуется Зилантов. Поднесь еще показывают пещеру, где жило сие чудовище, коего изображение осталось в гербе Казанского царства, и память о нем вкоренена во всех тамошних жителей*]; он опустошал все пламенным своим дыханием и пожирал стада и людей, по несчастью ему встречающихся. Земледельцы оставили свои работы, пастухи не смели выгонять стада свои, весь приезд в город учинился опасен, и трепет рассеялся всюду. Множество отважных людей, покушавшихся спасти отечество свое от сего чудовища, погибли жалостно, быв растерзаны сим лютым змием. Зилант приходил всякое утро к самым стенам и с мерзким рыганием кричал следующее человеческим голосом:

– Богорис! Отдай мне жену свою, или я опустошу всю землю Болгарскую, все царство Закамское!

Родитель мой, услышав о таковом несчастье, оставил успехи побед своих и принужден был, заключа мир, ускорить возвращение в государство свое. Он нашел оное в жалостном состоянии: поля и деревни запустевшие, жителей разбежавшихся. Там курилися пожженные нивы; здесь трепетали остатки членов пожертых человеков и скотов; в столице своей всех в унынии, не смеющих выйти за двери; голод и смерть повсюду.

Объятия нежной супруги не могли истребить в нем помышления о всеобщем несчастье. Сама родительница моя умножала скорбь души его, представляя себя на жертву в спасение отечества. Можно ли принять таковое предложение супругу, полагающему в ней все благополучие? Но должно чем-нибудь спасти народ! Богорис и Куридана были великодушны: сей хочет идти сразиться и победить или погибнуть, а сия вознамерилась искупить жизнью своею его и отчество. Она созывает верховный совет, противу воли княжеской. Сей повелевает им удалиться, не слушать предложения женщины, обещает защитить себя и их одной своею неустрашимостью, но Куридана их останавливает. Предлагает им гибель всеобщую, за одну ее происходящую. Уважает им ужас предыдущего. Предает себя за всех на сьедение Зиланту. Уговаривает их не повиноваться в случае сем их монарху. Вельможи благодарят ее, превозносят похвалами. Богорис угрожает, мятется и не знает, что начать. Любовь и добродетель сражаются внутри его. Время было утреннее. Зилант был уже пред стенами; вскоре пронесся страшный свист его до чертогов княжеских; слова "Богорис, отдай мне жену свою" повторялись по чертогам в ужасном отголоске. Куридана мужественно встает, объемлет нежно дражайшего супруга, прощается с ним навеки и исходит. Богорис со всем своим великодушием не может снести вида толь поразительного, не может удержать ее, ни воспротивиться, ибо силы его оставляют и повергают его бесчувственна. Куридана останавливается, проливает слезы, возвращается еще, лобзает в последние безгласного супруга и предается вельможам. Сии в рыданиях употребляют во всеобщую пользу бесчувствие своего государя, подхватывают на руки свою избавительницу, несут ее ко вратам градским. Алтари курятся, и коленопреклонившиеся жрецы возносят моления к бессмертным о спасении своей ироини.

Весь град в слезах провожает оную за врата и оставляет. Между тем Богорис пришел в себя; он не видит своей супруги, обретает себя от всех оставленна. Отчаяние его совершается. Он исторгает меч свой, возносит оный на грудь свою, не хотя пережить свою возлюбленную Куридану, кою числит уже растерзанное чудовищем. Но невидимая рука вырывает меч его. Все чертоги наполняются благовония, свет, подобный утренней заре, освещает глаза его, и он видит перед собой представшую женщину в белом одеянии. Величество и милость сияют из престарелых черт лица ее. Она вещает к нему:

– Богорис! Приди в себя! Добродетели твои должны ли допускать к тебе отчаяние? Будь безопасен о своей супруге: ей не может прикоснуться чудовищный Зилант. Но чтоб уверить тебя в истине слов моих, ведай, что я волшебница Добрада, родственница и друг покойной твоей теще княгине Кегияне. Я присутствовала при рождении супруги твоей и, предвидя имеющуюся ей случиться опасность от чародея Сарагура, повесила ей на шею талисман, который защищал оную поднесь от насильств его, как и ныне сохраняет от Зиланта, ибо он есть самый сей чародей, принявший на себя вид страшного сего змия. Едва леты начали развивать прелести в Куридане, увидел ее Сарагур и с первого взгляда смертельно влюбился. Тотчас вознамерился он похитить ее, но талисман препятствовал желаниям его. Я безопасна была в рассуждении супруги твоей, но Сарагур не оставил в покое меня. Он, проведав, что я защищаю Куридану, и не имея силы покорить меня явно, делал со злобы разные мне пакости тайным образом, так что наконец принуждена была я наказать его. Я волшебною превосходною над ним моею властью заперла его во внутрь Волжских гор и, заключа судьбу его с ужасными заклинаниями, коих и сам Чернобог трепещет, в золотую рыбу, повергла оную на дно Волги, ибо не уповала, чтоб по глубине места того в реке мог кто достать оную. Сарагур без того не мог свободиться из тюрьмы своей, доколь не попадет рыба сия в сети, и казалось, что рыба из металла не попадет никогда в оные. В число заклинаний подлежало и то, что Сарагур, если и свободится из неволи, не может уже вредить людям, не превратясь в Зиланта, но из оного не получит никогда прежнего вида и должен окончать скоро жизнь свою. Несчастливым случаем, белуга проглотила золотую рыбу с песком, и когда супруга твоя в отсутствие твое выехала на рыбную ловлю, белуга оная попалась в сети. Чародей тогда вырвался из заточения и, подумав, что заклинание мое, удерживавшее его, не могло уничтожиться, как с моей смертью, счел потому, что и талисман Куриданин лишился своего действия, и вознамерился княгиню похитить. Но к досаде увидел, что покушения его бесплодны, отчего в таковую пришел злобу, что лучше пожелал лишиться человеческого вида, нежели оставить без отмщения мнимую свою обиду. Он превратился в Зиланта и заключил опустошить все государство Болгарское или погибнуть. Ты, дорогой князь, не ведаешь, что имеешь при себе несравненное сокровище. Сей меч твой есть составленный из одних талисманов древними египетскими мудрецами и, быв утрачен на сражении египетским царем Сезострисом, достался твоему праотцу и есть истинный бич на всех чародеев и очарования. Удары его неотвратимы, все волшебства исчезают от его прикосновения, и оному-то ты обязан всеми своими победами. Ступай, истреби чудовищного Сарагура; тебе предопределено низвергнути его во ад. Он, завидя тебя, испустит пламя, к уничтожению сего довольно одной сей фляжки воды из реки Буга. – Она подала ему оную. – Тотчас ты облей ею себя и смело ступай на него; но старайся одним ударом срубить ему обе головы, понеже, когда ты отсечешь ему только одну, Сарагур хотя лишится от сего жизни, но успеет уйти от

тебя в свою нору, где исчезающая в нем чародейная сила произведет яйцо. Он снесет оное, потом умрет. Из трупа его учинятся очарованные латы, которых ничто не может пробить, кроме меча твоего. Из главы отсеченной вырастет каменный конь, который оживет в то время, когда злые духи яйцо высидят, и выйдет из оного исполин Тугарин, именуемый потому, что туго рос, ибо выведется он чрез десять лет, но, вылупясь из яйца, в одну минуту будет совершенного своего возраста. От сего Тугарина, которому в силе и злобе никто из смертных не сравнится, предстоит великая напасть, хотя не тебе и княгине твоей, ибо вы окончите век свой в благоденствии, но дому твоему, потому что Тугарин, имея врожденную ненависть к болгарам, начнет опустошать сие государство; сын твой Тревелий принужден будет искать с ним мира. Сей не может воспоследовать, кроме обещания ему дочери твоей в невесту, ибо он, не видав ее, при самом рождении своем восчувствует чрез влияние страсти отца своего чрезмерную к ней любовь. Сын твой, по малом с ним обращении, заразится его злобою и учинится лютейшим тираном, и если не ускорится убиением Тугарина, Тревелий погибнет в бунте от рук своих подданных. Убить Тугарина не может ничто, кроме меча твоего, но ты о всем сем не должен открывать никому, кроме супруги своей Куриданы; она может открыть о том своей дочери, а сия своему супругу, ибо в книге судеб определено истребление племени Сарагурова некоему Славенскому богатырю, не рожденному матерью; и чтоб сын твой не владел твоим мечом, для чего и должно будет тебе повесить оный, окончав победу над Зилантом, в своей оружейной палате, замешав в куче мечей. Судьба доставит уже оный в руки, кому надлежит. Внимай, Богорис! От одного исправного удара зависит избавление дома твоего, или, впрочем, беда Болгарии неизбежна.

Сказав сие, Добрада покрыта стала светлым облаком и исчезла, а Богорис, сев на коня, поспешил на избавление супруги и отечества.

Он видит Зиланта, устремляющегося на мать мою, но удерживаема невидимою силою. Поспешает; чудовище видит его обнажающийся меч и испускает пламя, пожигающее всю окрестность. Все встречающееся оному погибает. Сам Богорис чувствует опадение и изливает на себя священные воды Буга-реки. В мгновение пламень лишается своего действия, и меч уже поднесен к произведению удара. Зилант поднимается на хвосте, но князь не смог отсечь ему кроме одной головы. Сия упадает и окропляется черною ядовитою кровью и претворяется в камень. Чудовище испускает страшный рев и удаляется; Богорис настигает оное, но Зилантовы крылья ускоряют от ударов. Ратный конь мчится подобно ветру чрез поля, речку, до горы; князь побуждает оного посрамить полет змиев и чародейную силу, почти цепляет мечом по остальной голове, но чудовище скрывает в пропасть земную труп свой и память Сарагурову.

Родитель мой огорчился, видя покушения свои недействительны, но, подумав, счел сие неминуемым определением судеб. Он оставил провидению будущий жребий государства своего и радовался, что свободил оное от опустошителя. Возвращается, находит Куридану невредиму и свобождает оную от ужаса в рассуждении себя. Рассказывает ей сказанное Добрадою и полагает, по повелению ее, меч свой в оружейную палату. Остаток века их прошел в благоденствии. Я узнала предстоящую мне судьбу от Тугарина из уст родительницы моей и получила данный ей Добрадою талисман, а брат мой Тревелий – престол болгарский.

Страх храбрости Богорисовой не мог так скоро истребиться в памяти наших неприятелей. Сие доставило мирную жизнь болгарам. Брат мой был государь

правосудный и любим подданными. Нежность его ко мне составляла все мое утешение, мы не могли быть ни часу розно.

Некогда прогуливаясь, услышали мы, что на полях близ Боогорда произошло чудное приключение в природе. Тревелий поехал туда, взяв и меня с собою. Мы увидели камень, имеющий точное подобие коня, который рос ежеминутно, так что при наших глазах достиг чрезмерной величины. Все удивлялись сей мнимой игре естества, но я, вспомня слышанное от родительницы моей о сказанном Добрадою, узнала, что приближается начало бедствий моих с рождением Тугарина, пришла в великий ужас, что приметя, брат мой счел, что я занемогла, и спешил возвратиться. Едва успели мы отъехать сажен с двести, почувствовали сильное землетрясение. Близстоящая Зилантова гора рассеклась надвое, и из оной появился страшный, в броню облаченный исполин; оный шествовал невероятными шагами к каменному коню, так что мы не успели еще ста сажен отъехать, как исполин положил уже руку на коня. В мгновение вспыхнул оный пламенем и сделался живым, о чем узнали мы по необычайному его голосу, ибо оный так заржал громко, что все лошади в колесницах наших попадали. Представьте, коль велик был трепет, всех тогда объявший, и сколь оный умножился, когда увидели исполина, восседшего на коня и скачущего с распростертыми руками прямо на нас. Какое спасение! Ужас общий не представлял никому иного, что мы насытим желудок сего чудовища. Но убежать не было средств. Отчаяние возвратило мужество, и многие бросили стрелы в приближающегося исполина, но оные отскакивали от него, как бы от камня. Одна только Тревелиева стрела ударила его в нос столь сильно, что он чихнул и, подхватя оную, проглотил. После чего протянул было руки, желая схватить меня, но вдруг отдернул оные назад так, как бы обжегся, ибо он подувал и плевал себе на ладони. Вторичное и третичное покушение его сопровождаемо было с равною неудачею, отчего он пришел в великую ярость и, отъехав несколько назад, произносил клятвы и ругательства. Пена била клубом изо рта его, подобного печному устью, и он изгрыз себе с досады пальцы в кровь. Наконец страшным голосом, от коего все принуждены были заткнуть уши, кричал моему брату:

– Слушай, Тревелий! Вижу я, что не можно мне взять сестру твою насильством, и для того даю тебе три дня сроку, в которые должен ты оную уговорить, чтоб отложила она свои волшебства и согласилась быть моею женою; в противном же случае я из государства твоего учиню непроходимую пустыню: города и деревни разорю и выжгу, всё живущее поем, а тебя разорву по суставам.

Сказав сие, поворотился он на коне своем, поскакал, дыхнув пламенем, отчего близстоящий дуб в мгновение обратился в пепел, и так сокрылся в лесах, окружающих реку Каму. Я пришла в себя не прежде, как в моих чертогах, и увидела брата моего, в безмолвном ужасе против меня сидящего. Тогда узнала я, какая предстояла мне опасность, если бы не имела на себе талисмана, коему одному обязана была моим избавлением, и заключила ни на минуту оный с себя не снимать. Ведала я, чем можно бы спасти отечество мое, но помнила запрещение волшебницы, что с открытием о таинственном мече учинюсь неизбежною жертвою объятий исполиновых. Сего довольно было наложить на меня молчание, и брат мой, требующий моего совета, не получил в ответ кроме горьких слез, с которыми сообщал он свои, и, наконец, не зная, что начать, заключил требовать совета в боговещалище Елабугско [*Сие боговещалище, или оракул, находилось близ пригородка Елабуги, при речке Тойме, впадающей тут же в Каму, которого поднесь еще видны каменные развалины, известные под именем Чертова городища. Боном жрецами был содержан обожаемый великий змий, которому*

людей давали на съедение, вместо жертвы], находящемся не в дальности от столичного города, на берегу реки Камы. Мы отправились в оное; по принесении на жертву обожаемому змию двух черных быков, введены были мы в капище. Брат мой предложил вопрос: чем можно избавиться от нападения исполина Тугарина? Жрецы окружили истукан с кадилами, воспели песнь Чернобогу и с коленопреклонением просили о явлении чрез ответ средства к спасению их отечества. Истукан поколебался и глухим голосом ответствовал:

– Беды, терпение; поражение и победа; мечи, стрелы; утро вечера мудренее.

Ни князь, ни я, ни сами жрецы не могли растолковать сих божественно хитрых слов; однако уверяли нас, что точно сего ответа они и ожидали, что он очень хорош и должен сбыться.

– Но что ж я предприиму по оному? – вопрошал Тревелий.

– Последуйте оному в точности, ваше величество, – ответствовал верховный жрец.

Мы не смели спорить с переводчиком Чернобоговым и отправились без всякого наставления, однако с надеждою. Собран тайный совет; рассуждали, изъясняли, спорили, опровергали, доказывали и заключили, что следует сражаться с исполином, не давать ему ни ногтя моего, и наутро, по точной силе и разуму божественно не понимаемого ответа, отправить противу Тугарина тысячу пращников, тысячу стрельцов, имеющих большие стрелы, и две тысячи в панцири вооруженных всадников. Заключено и исполнено: до свету еще выехал сей отряд. Целый день искали неприятеля, провозвестник охрип, кричавши – Тугарин не появлялся. На другой день провозвестник зачал укорять исполина трусостью, однако недолго пользовался сей дерзостью. Тугарин выехал, и ужас остановил слова, на устах его. Воины, видя, что должно начинать сражение без предисловия, ибо провозвестник молчал, пустили в него тысячу камней и тысячу стрел. Тугарин в самое сие время очнулся, потому что едучи дремал, и зевнул; все камни и стрелы попали ему в рот, и он, не чувствуя, откуда сие происходит, харкнул и выплюнул оные вон, сказав:

– Какое множество здесь мух!

Изумились воины, сочли, что он чародей, и заключили пустить ему еще по тысяче камней и стрел в самый нос, ибо довольно ведали, что сей способ отнимает силу у всякого чародея. Усугубили крепость и искусство; выстрелы произведены толь удачно, что разбили исполину нос до крови. Тугарин увидел, что произошло то не от мух, и пришел в великий гнев.

– О, так противу меня выслано войско! – вскричал он голосом, подобным грому. – Итак, я должен с болгарами поступать по-неприятельски!

Сказав сие, зачал он хватать руками воинов по десятку и больше и глотать целиком. Не было спасения, все погибли, только человек с двадцать поудалились на конях, в числе коих был и провозвестник. Исполин, видя, что неловко ему ловить оных с лошади, соскочил и побежал на четвереньках; в минуту достигнув оных, одним зевком всех захватил и проглотил. Приметив, что уже никого не осталось, подумал он, для чего не оставил одного, чтоб приказать к Тревелию угрозы свои. Но приметил, что нечто у него под носом шевелится (сие был бедный провозвестник, который, держа в руках копье, не попался в рот исполину, ибо копье воткнулось оному в нос, когда он хватал их зевком, и окостеневшие руки удержали провозвестника висяща на копье), он снял его перстами и, увидя, что сие человек, посадил оного на ладонь и, отдув из обморока, говорил следующее:

– Я оставляю тебе жизнь. Скажи ты своему князю, что еще даю я ему один день; если по прошествии оного не согласится он отдать за меня сестру свою, то я опустошу в один месяц всю его землю. Ты видел, как я управляюсь с его воинами: целое войско его не больше мне сделает затруднения, как и сия кучка.

После сего опустил он его бережно на землю, но бедный провозвестник, со всею принятою в рассуждении его осторожностью, оглох от разговоров Тугариновых. Он пришел и сказал о происшедшем. Отчаяние умножилось, не знали, что делать, советы продолжались целую неделю, и между тем исполин опустошил почти все Закамское царство. Крайность принудила брата моего вспомнить, что он князь, и забыть, что он родственник. Он заключил предать меня на избавление отечества и возвестил мне то в горчайших слезах. Послано было умилостивлять Тугарина и возвестить согласие на его требование. Исполин побежден был страстью, чтоб мог отвергнуть сию цену предлагаемого мира; он оставил пожигать селения и пожирать живущих и шествовал гордо к Боогорду. Князь Тревелий со множеством вельмож встретил его за городскими воротами; я была в отчаянии. Принуждена была дать мое слово, но с тем, что не прежде получит он мою руку, как приняв от какой-нибудь благодетельствующей волшебницы вид и рост обыкновенного человека, понеже ведала, что сие не так легко случиться может, и я между тем могу убежать, дабы брат мой не сорвал с меня талисмана, ибо, невзирая на всю его ко мне горячность, надлежало мне ожидать, что он лучше согласится лишиться сестры, чем дать себя разорвать по суставам. Любовь действовала в исполине и принудила без всякого размышления дать мне согласие. Он клялся Чернобогом [*Чернобог – то ж, что Плутон, или бог ада. Клятва им была ненарушима*], что не приступит к браку, как на сих условиях, и не токмо оставит неприятельские поступки противу болгаров, но с сего часа вступает в услужение Тревелию. Радость началась всеобщая; нельзя было исполина ввести во дворец, отвели ему место в садах, где и дали ему великолепный пир. Тысяча быков изготовлена для Тугарина, он съел оных до последней косточки. Сто печей хлебов и сто бочек вина, двести куф пива убрал он на прикусках, ибо за один раз совал он в рот по целой печи хлебов и куфу выпивал одним глотком.

Предвещание Добрады исполнилось. Брат мой полюбил чудовищного Тугарина до крайности и учинился из добродетельного государя тираном. Не было дня без пролития человеческой крови. Я терпела ужасное гонение и искала случая убежать. Не прошло двух месяцев, и в государстве съестные припасы чрезмерно вздорожали. Исполин из любви к Тревелию согласился кушать воздержнее и довольствовался вместо хлеба и мяса одними дровами. До похищения моего перерубили уже великие леса на стол Тугаринов, и из непроходимых лесов Закамских учинились великие степи. Наконец случай извлек меня от бедств: я похищена волжскими разбойниками.

– Подумай, дражайший супруг, – примолвила княгиня Милолика, окончав свою повесть, – какая предстоит тебе опасность от Тугарина, когда он не только грозный мститель за Тревелия, но и ревнующий совместник твой! Однако только бегство за Буг-реку спасет тебя от его злобы. Я со стороны моей безопасна: талисман учиняет силу его надо мной не действующею.

Потом увещевала она его ускорять бегством.

Владимир сетовал: не можно было ему оставить государство свое на опустошение. Монарх, коего трепетал весь восток, который покорил всех враждующих соседей, который прославился добродетелями своими не меньше храбрости, мог ли предприять бегство от одного богатыря? Сто раз легче была для

него смерть. Но чем возразить слезной просьбе жены милой? Чем противу стать чудовищу, укрепленному чародейством? Сии были помышления, стесняющие его душу. Рассуждая о средствах ко спасению, вспомнил он, что стены киевские при создании своем кладены на извести, разведенной на священных водах реки Буга. Сего довольно было, думал он, к пресечению исполину входа во град, и сие слышал он от верховного жреца. Обрадовался Владимир, спешил утешить тем свою княгиню и доказать ей, что безопаснее для него остаться в городе, чем выступить из оного. Милолика успокоилась, и не оставалось Владимиру, как только изобретать способ к погублению исполина. Собран военный совет, предложено обстоятельство, сказанное княгинею о Тугарине, и предвещание Добрады, что погибнет оный рукою богатыря, не рожденного матерью. Рассуждали, голоса делились: одни советовали наслать на него всех киевских ведьм, другие сделать клич всем сильным, могучим богатырям, один только Святорад не соглашался ни на то, ни на другое. Он представлял князю, что он худо верит колдовству и думает, что чужие богатыри не так скоро съедутся, чтоб упредили разорение, имеющее произойти от исполина, что всего лучше выбрать лучших витязей и совокупными силами ударить на исполина. Владимир почти согласен был на его мнение и хотел только вопросить совета верховного жреца. Пошли в Перуново капище, требовали молитв и наставления, чем избавиться от угрожающего бедствия. Жрец обещал все; он просил на полчаса сроку; заперся в кумирнице и, вышед, сказал:

– Внимай совет богов, Владимир: потребно исполина Тугарина, рожденного змием, поймать, связать ему руки и ноги и принесть богам на жертву.

– Но как сие быть может, великий отец? – говорил Владимир.

– Должно лишь поймать и связать его, чадо мое! – отвечал жрец.

– Сего-то мы и не разумеем, – примолвил Владимир.

– Беды великие и гнев богов, если вы его не поймаете, – сказал жрец и пошел во внутрь капища делать приготовления к пожрению исполина.

Владимир возвратился в недоумении и повелел Святораду кликать клич: кто выищется отважиться на исполина.

Множество выбралось витязей. Каждый желал поодиночке сражаться с исполином, понеже в храбрых людях России нет недостатка. Всякое преимущество рождает зависть, следственно и чести. Первому сражаться никто друг другу уступить не хотел. Спорили, бранились, и чуть не дошли до драки, ежели б искусный Святорад, подоспев, не доказал им, что они спорят понапрасну, что безумно сразиться с исполином со лба на лоб, что великое потребно искусство, где силы не равны, и уговорил их напасть на богатыря совокупными силами. Они выехали, увидели шатер исполинов. Конь его показался им горою; оный ел, по обыкновению, белую ярую пшеницу, а Тугарин спал. Приметили сие по храпу его, подобному шуму вод на Днестровских порогах. Заключили напасть на него до пробуждения его. Они слышали, что конь его очарованный и говорит человеческим голосом, почему и начали красться исподтишка. Но осторожность коня обмануть весьма было трудно. Конь закричал при их приближении, но богатырь спал. Они спешили; конь кричал вторично, и Тугарин не пробуждался. Погибель была очевидна, хотя конь кричал, ревел и бил ногами в землю, и исполин пробудился было, но поздно бы то было, ибо больше тысячи копий и мечей ударили в него со всех сторон, и одним только очарованным своим латам обязан он был своею целостью, понеже никакое оружие не пробивало оных. Все копья и мечи переломались или отпрянули прочь. Исполин воскипел яростью, схватил двоих витязей, кои прежде ему попались в руки, и проглотил. Все ударились в бегство;

исполин вскочил, сел на коня, погнался за ними, хватал почти руками, но не жалели лошадей, и все спаслись в город. За сто сажен от стен остановился конь Тугаринов; исполин вяще сердился, бил коня, соскочил долой, бежал пеш, думая перешагнуть стену и истребить киевлян с их князем. Но чудная сила вод реки Буга, освятившая стены сего города, явила тогда свое действие: исполин в приближении обжегся исшедшим невидимым пламенем, рассвирепел наиболее и клялся преодолеть всё и опустошить землю. Он покушался вторично, в-третьи и изжегся весь, так что заревел от боли. Не могши успеть, излил он ярость свою на окрестность; изрыгнутое им пламя попалило все поля и ближние деревни. Он пожирал людей и стада и не думал перестать, поколь истребит всякую русскую тварь.

Между тем Владимир, взиравший со стен городских на происходящее, увидел чудо от стен киевских и опустошение, причиняемое исполином в государстве, равно и невозможность удержать лютость Тугаринову, ибо отборные его витязи не могли победить оного. Он радовался бы, что сам безопасен внутри города, если б не был добродетелен, но, взирая на погибель государства, пролил он слезы и пошел к верховному жрецу просить его о учреждении всеобщих молитв для умилостивления богов. Сказал он жрецу неудачливость покушения и страшную силу исполина, производимые им опустошения и просил о учреждении молитв к умилостивлению богов.

– Так вы оного Тугарина не привели на жертву? – вскричал жрец с досадою.

– О том-то, батюшка, я и хочу просить богов, чтоб они открыли нам средство истребить его; силы оного сверхъестественны, – сказал Владимир.

– Истребить, то есть убить до смерти, а не на жертву принести? Чадо! Боги гнушаются всяким бездушным приношением, живого его привесть должно и связанного.

– Я доносил вам, что сие невозможно, и что...

– Нет ничего, нет ничего, приведите только оного и не забудьте приказать связать покрепче: боги уже досадуют, что лишают их столь долго вкушения сей сладкой жертвы, и за то послали на вас в казнь сего исполина.

– Святой отец! – сказал Владимир с досадою. – Казнь сия богами послана была прежде, нежели получил я приказ привести исполина им на жертву. Следственно...

– О князь! Велие твое хуление, но да не осквернюся...

Сие последнее слово жрец сказал уже за дверьми и оставил Владимира в досаде на жреца.

Князь возвратился в недоумении и горести в свои чертоги возносить моления к бессмертным о спасении своего отечества, но боги не внимали просьбе его, и Тугарин опустошал прекрасные окрестности Киева. Недоумевали, что делать, и огорченный государь изливал скорбь свою в недра любезной своей супруги, коя не осушала очей своих, источающих потоки слезные. Весь Киев стенал, не было никого, который бы не терпел урона: каждый потерял либо родственника, либо имение, случившихся вне стен киевских. В сей чрезвычайной напасти потребна была помощь только сверхъестественная.

Тугарин учинил новый пожар за городом. Все придворные выбежали на переходы быть страдающими свидетелями исполиновой лютости. Они услышали, что широки вороты заскрипели. Взъезжает на двор витязь смелый. Доспехи на нем ратные, позлащенные. Во правой руке держит копье булатное, на бедре висит сабля острая. Конь под ним, аки лютый зверь; сам он на коне, что ясен сокол. Он на двор взъезжает не спрашиваючи, не обсылаючи. Подъезжает к крыльцу красному,

сходит с коня доброго и отдает коня слуге верному. Сам идет в чертоги златоверхие, княженецкие. Слуга привязывает коня середи двора, у столба дубового, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня к кольцу серебряну. По сему придворные заключили, что новоприезжий долженствует быть роду непростого.

Между тем незнакомый входил во внутрь чертогов. Вельможи останавливают его и спрашивают с обыкновенною тогдашних времен вежливостью:

– Как звать тебя по имени? Как величать по отечеству? Царь ли ты, царевич или король, королевич, или сильный могучий богатырь, или из иных земель грозен посол? – и прочая.

Приезжий не удовлетворил их любопытству и ответствовал:

– Если мне сказать вам о всем, то уже самому князю донести нечего, – и просил, чтоб учинили о нем доклад.

Не смели его больше утруждать, донесли князю, и он впущен был пред Владимира.

На вопрос княжий, что он за человек и какую до него имеет нужду, ответствовал он:

– Я называюсь Добрыня, Никитин сын, уроженец Великого Новгорода, и приехал служить тебе, великому государю.

– Но как ты пробрался в славный Киев-град? И как пропущен злым Тугарином?

– Надёжа-государь! – говорил Добрыня. – Доселе мне, молодцу, еще не было дороги запертыя. Проезжал я горы высокие, проходил я леса темные, переплывал реки глубокие, побивал я силы ратные, прогонял я сильных, могучих богатырей – мне робеть от Тугарина? И я давно уже бы свернул ему голову, – примолвил он, – но я хочу учинить то пред твоим светлым лицом и по твоему слову княжескому, чтоб ты сам, государь, видел службу мою и пожаловал, велел бы мне служить при твоем лице.

Владимир удивился смелости, вежливости, дородству и красоте сего витязя.

– Молодой человек, – сказал он ему, – так ты хочешь сразиться с Тугарином?

– Для сего, государь, поспешал я в славный Киев-град, дней и ночей не просыпаючи, со добра коня не слезаючи.

– Но знаешь ли ты, каково трудно сие предприятие?

– Ведаю довольно, и если б оное меньше имело опасности, я послал бы исполнить оное одного своего Таропа-слугу.

– Я похваляю твою отважность, – сказал Владимир, – принимаю тебя в мою службу и обнадеживаю своею княжескою милостью, но не дозволю вдаться в таковую опасность, ибо ты мне годишься по своей храбрости и разуму в других случаях. Я имею довольно витязей смелости испытанной, но ни один из них не отважится сказать, чтоб он мог биться с Тугарином, понеже сие определено только для богатыря, не рожденного матерью.

– Не рожденного матерью? – подхватил Добрыня.

– Так, – отвечал князь и рассказал ему предвещание волшебницы Добрады.

– Так я великую имею надежду свернуть голову Тугарину, – говорил Добрыня с улыбкою.

– Неужли ты не имел матери? – спросил Владимир любопытно.

– Позвольте мне рассказать мои приключения, – продолжал Добрыня и, получа дозволение, начал.

Повесть Добрыни Никитича

Я хотя имел отца и мать, но в самом деле не рожден я моею родительницею. Потому что она, будучи мною беременная, во время путешествия от нападших разбойников получила удар саблею по чреву, так что я выпал недоношенный из умершей моей матери. Причем и родитель мой убит. Я погиб бы, если б великодушная волшебница Добрада не спасла меня, как сказывала она мне сама о том. Я воспитан ею на острове, где она имеет свое жилище, и остров сей находится на самом южном пупе земли [*Чрез южный пуп земли, конечно, богатырь наш разумеет Южный полюс*]. В младенчестве моем поили меня львиным молоком и, с тех пор как я себя помню, не давали мне просыпать ни утренней зари, ни вечерней, меня заставляли кататься тогда по росе и после обмочали в водах морских. Чрез сие воспитание получил я таковую силу, что шести лет мог выдергивать превеликие дубы из корня. Шесть белых старичков обучали меня всем известным семидесяти двум наречиям, звездоблюстительству и воинским приемам, так что пятнадцати лет имел я счастье на опыте пред самою Добрадою отбить шесть мечей моих учителей и не допустить ни одного на себя удара. За сие получил я от моей благодетельницы сии латы, кои на себе ношу, и коих ношение сохраняет от всякого вреда, как обыкновенного, так и сверхъестественного. Я повергся к ногам моей благотворительницы, приносил благодарность в чувствительных выражениях и просил, чтоб не лишала меня на всю жизнь мою своего покровительства.

– Добрыня Никитич, – сказала она мне, – сие будет твое имя; ни ты не видал своих родителей, ни они тебя, и ты не рожден своею матерью, как уже известно тебе; посему боги, никогда не оставляющие чад праведных родителей, вручили мне тебя и повелели мне быть твоею матерью. Посему по имени моем имеешь ты называться Добрынею, и отчество твое да будет от побед, кои ты совершишь в жизни своей; ибо ведаешь, что по-гречески Никита значит победителя. Днесь вступил ты в возраст, способный ко всяким предприятиям, и осталось мне докончить воспитание мое только одними сими заповедями. Никогда не отступай от добродетели, ибо, уклоняясь от оной, утратишь ты милость богов, покой души своей и учинишься неспособен к великим подвигам. Во-вторых, не меньше первого наблюдай: видя слабого, насильствуема сильнейшим, не пропускай защищати, понеже не помогающий ближнему не может ожидать и сам помощи от богов. Наконец, третье: как получил ты благодеяния от меня, женщины, покровительствуй всегда нежный пол в гонениях и напастях, для того что тем умягчится твой нрав, легко могущий ниспасть в зверство [*Сии три пункта с того времени учинились общим правилом богатырей. Оные читали им при вступлении их во сие звание и обязывали сохранять под присягой. Из сего видно, что Добрыня первый подал повод к учреждению ордена богатырского, и Владимир был первый оного учредитель*]. Не должно мне возвестить долженствующее с тобою впредь случиться, ибо сие таинство написано только в книгах судеб и не всем смертным открывается. Однако ведай, что необходимо должно тебе достать меч Сезострисов. Оный хранится у некоего сильного монарха северного. Если ты оный получишь, не будет для тебя на свете ни спорника, ни поборника. Примета же, по которой найдешь ты меч оный: при первом твоем взгляде на него твой собственный меч спадет с тебя, а оный поколеблется.

Потом подала она мне перстень.

– Во всякое время, когда тебе понадобится конь, – продолжала Добрада, – потри только по оному и пройди три шага вперед; тогда оглянись назад – и

увидишь коня богатырского, который будет служить тебе верно во всю жизнь твою.

Приняв сие наставление и подарки, пал я к ногам ее и приносил мое благодарение. Она повелела мне с того ж дня начать в свете мое странствование, искать меча Сезострисова и не прежде основать жилище себе, как убью великого очарованного исполина. После сего повелела она мне сесть в лодку, имеющую меня отвезти на матерую землю. Лодка сия была пречудная. Я нигде не видывал подобной, ибо плыла она не на веслах, а посредством одной растянутой холстины. Сама волшебница села со мною во оную; мы поплыли. Ветры никак не могут дуть столь быстро, как лодка, рассекающая валы океана, везла нас. Сладкий сон овладел мною, и, проснувшись, я увидел себя одного на прекрасной долине близ великого города. Горесть объяла меня, когда узнал я, что Добрада оставила меня собственным моим судьбам и сложила свое о мне попечение. Я любил ее, как родную мать, и не мог удержаться от слез. Близлежащий лес отзывался восклицаниям моим и разносил имя Добрады. Но не пришла, и я долженствовал размышлять о предыдущем состоянии. Мне захотелось испытать силу перстня моего; я потер оный и, отшед три шага вперед, оглянулся назад. Конь красоты невообразимой появился стоящ и оседлан прибором цены несчетной. Золото и камни самоцветные, редких вод, составляли вид великолепный. Сабля и копье висели сбоку седла. Обрадовался я чрезвычайно. Подошел к коню, гладил и ласкал оного, и конь припадал предо мною троекратно, в знак своей покорности, на колена передних ног. Я снял саблю, обвязал оную на себя, взял копье в руку и сел в седло. Не можно изобразить, какую почувствовал я тогда бодрость в себе. Мышцы мои напряглись, и казалось мне, что я в состоянии был сразиться с войсками целого света. Конь подо мною ржал, пускал из ноздрей искры, прыгал и ждал лишь приказания, чтоб пуститься чрез долы, горы и леса.

Хотелось мне очень узнать, в какой я земле нахожусь, и какой был то город. На сей конец поехал я по долине, но, поехав верст пять, не нашел ни одной души живой, кроме нескольких статуй каменных, по разным местам рассеянных и разных тварей представляющих. Заключил я вступить в город и по первой попавшей мне дороге следовал к городским воротам. Я не нашел, к великому моему удивлению, стражи в городе, толь укрепленном, кроме десяти человек в воротах крепости, сделанных из камня и изображающих вооруженных воинов. Ворота были железные и крепко заперты. Я кричал, стучался – никто мне не ответствовал. Досадно мне было, я вышел из терпения и выломал ворота. Въехав в город, проехав множество улиц, не встречался со мною никто. Я удивлялся огромности и великолепию жилищ и не понимал, зачем по всем улицам расставлено множество статуй и нет живущих. В размышлениях о сем вступил на пространную площадь. Посреди оной стоял великолепный дворец. Множество каменных воинов составляли главный караул, иные из них расставлены были по разным местам, как бы на часах. Удивление мое умножалось. "Неужли сие только игра природы! – думал я. – Великий город без жителей, одни только камни вместо обывателей! Не может быть сие случайным произведением естества! Гнев богов на сем месте, и люди сии окаменели". Подумав, желал я испытать, не найду ли кого внутри дворца. Слез с коня, взошел и утвердился, что город сей превращен в камень со всеми жителями, ибо во дворце нашел множество людей окаменевших, в различных положениях: одни, казалось, разговаривали между собою, другие шли, иные сидели, другие смеялись, иные шутили над приезжим из деревни челобитчиком, как обыкновенно случается то в передних комнатах дворца.

Утвердившись во мнении, что сие произошло от очарования, великую получил я нетерпеливость узнать причины сего и, если можно, избавить от оного несчастья жителей. На сей конец шествовал я во внутренние покои, желал посмотреть, благополучнее ли государь своих подданных. Богатство, всюду блистающее, не привлекло взоров моих, любопытство провождало оные на великолепный престол, который нашел я в отдаленной комнате. Девица красоты невообразимой сидела на оном, опершись на руку. Она так же, как и все, находилась в окаменении, но скорлупа мраморная не мешала видеть прелести и величество, рассыпанные в чертах ее, так что я не сомневался, чтоб не была она владетельница сей страны. На коленях ее лежало письмо, и казалось, что оное причинило печаль, видимую в лице сей государыни. Я любопытствовал узнать оного содержание, взял разбирать сверху, перевертывал на бок, на другой, снизу, и хотя разумел все семьдесят два наречия, но не понял, как оное написано. С досады бросил оное на пол, и в сие мгновение письмо обратилось в столб густого дыма.

Я отступил в удивлении, но не имел времени рассуждать о происходящем, ибо страшное девятиглавое чудовище, имеющее львиные ноги, исполинский рост и хвост змеиный, выскочило из дыму и бросилось на меня, чтоб разорвать на части. Когти передних лап его были больше аршина, и челюсти во всех головах наполнены преострыми зубами. Я обнажил саблю мою, призвал имя Добрады и одним ударом отсек ему две головы и обе лапы. Кровь полила, чудовище застонало, но вместо отсеченных голов выросло у него по две новых, так что стало оное с одиннадцатью. Чудовище с новою яростью бросалось на меня, и я посекал головы его неутомленно, но не возмог бы я истребить оное, для того что головы его вырастали с приумножением, если б не вспало мне на мысль перерубить оное пополам. Я напряг остаток сил моих и одним ударом пересек оное. Пол разверзся в сие мгновение пред моими ногами, земля растворилась и поглотила труп чудовища. Ужасный гром гремел над моею головою, и раскаленные перуны падали вокруг меня, так что я со всею моею твердостью едва мог держаться на ногах. Тьма покрыла потом всю комнату и полуденное время обратила в мрачную ночь. Синяя светящаяся голова появилась из потолка. Оная дышала пламенем и говорила ко мне следующее:

– Враг Сарагуров! Ты не освободишь царицу узров [*узры – народ славянский, живший по берегам реки Яика, коя ныне именуется Урал*] от очарования. Убиением чудовища ты поверг лишь ее с подданными в несносное мучение, ибо ты отдал им часть чувств, чтоб страдали они от угрызения нетопырей, зародившихся из трупа убиенного тобою чудовища. Ты никогда не можешь сыскать превращенного жениха сей государыни, князя Печенежского. Сарагур погиб от руки князя Болгарского; следственно, и очарования его уничтожить некому.

Сказав сие, привидение бросилось в пропасть, которая затворилась и учинила пол ровен по-прежнему; причем тьма разделилась и обратилась в огненных нетопырей, кои бросились отчасти на царицу, прочие ж разлетелись и напали на всех жителей сего несчастного города. Окаменелая государыня в самом деле получила чувства, ибо испускала болезненный стон от угрызения сих волшебных летучих мышей. Жалость пронзила сердце мое. Я бросился к ней на помощь, отгонял мерзких тварей, ее уязвляющих, и выбился из сил, ничего не успевши. В досаде и замешательстве клялся я освободить сию злосчастную государыню и побежал, не ведая сам куда. По дворцу и улицам видел я страдание окаменелых людей, кусаемых нетопырями, и стон их наводил на меня ужас.

Я выбежал из города и тогда лишь вспомнил, что оставил во оном коня моего. Жалел я, потеряв время напрасно и что должен буду назад воротиться, и в сем огорчении, потирая руки, коснулся перстня и с радостью увидел, поворотясь назад, что конь мой стоял за мною. Я бросился к нему, ласкал его и воссел.

– Милый конь мой! – говорил я. – Ты, конечно, ведаешь, где превращенный князь Печенежский. Довези меня к нему! Ты, о конь добродетельный, видел несчастье жителей сего города и, без сомненья, жалеешь о мучении их? Помоги мне их избавить!

Конь проржал троекратно и, приподнявшись, ударил копытами в землю, отчего оная расступилась, и я на коне опустился в пропасть.

Если бы я не обнадежен был, что конь мой, погружался со мною в недра земные, споспешествует избавлению несчастных узров, конечно бы, усомнился я в жизни моей, ибо скорость стремления, с каковою летел я на иной свет, была чрезвычайна. Но не имел я времени предаться ужасу, для того что в мгновение очутился в земле, освещаемой неким красноватым светом. Странные предметы меня окружали. Трава, под ногами моими находящаяся, казалась красною оттого, что вместо росы лежали на ней капли кровавые. Деревья обагрены были ею же, и вместо листвия росли на оных человеческие головы страшных видов. Лишь я почувствовал под собою землю, засвистали бурные ветры, и головы оные заревели мерзкими голосами. Они кричали все:

– О бедный Добрыня! Куда зашел ты? Погиб ты невозвратно!

Должно признаться, что не без трепета внимал я таковое приветствие; однако, имея в мыслях доброе намерение, отважно продолжал я путь мой. Не проехал я ста шагов, как несчетное войско полканов [*полкан – животное, имеющее конский стан и вместо шеи верхнюю половину человека*] на меня напало. Лица и руки их обагрены были человеческою кровью, глаза светились, как раскаленное железо, и с каждым дыхновением их вылетало из ртов их сверкающее пламя. Тысячи стрел полетели в меня из луков их, и я обязан на сей раз единственно броне, подаренной мне Добрадою, что не учинилось из тела моего сита. Полканы, приметив недействие стрел своих, заревели от досады и бросились на меня с ручным оружием, состоявшим из превеликих древес, выдернутых с кореньями. Тогда-то потребно мне было все проворство науки отводить удары саблею. Я махал на все стороны, рубил, колол и удивлялся действию моих ударов, а особливо силе задних копыт коня моего, понеже, если пересекал я по десяти полканов за один мах моею саблею, конь мой разбивал оных по сотне вдребезги одним ударом. Скоро не видно стало нападающих. Они пали до единого, и я следовал к представившемуся глазам моим зданию.

Если удобно привесть в воображение самый ад, кажется, оный ничуть не будет столь ужасен, как сие строение. Наружность оного составлял плетень, свитый из всех родов ползучих змей. Головы оных торчали наружу и испускали смертоносный пар, и свист их достаточен был повергнуть в трепет бесстрашнейшего человека. Кипящая кровью река текла вокруг оного с клокотанием. Чудовища неописанной мерзости выглядывали из оной, глотали кровь и паки погружались. Исполин с двадцатью руками стоял на мосту и стерег вход. Я видел множество богатырей, покушающихся перескочить по мосту и жалостно погибающих. Исполин хватал оных, перекусывал пополам и бросал в реку, где чудовища оных пожирали. Крылатые змеи страшных видов летали над зданием, сделанным из чистого стекла, в котором слышно было кипение смолы и серы. Великое колесо раскаленного железа с острыми острогами вертелось в

пропасти, где клокотала горящая смола, с престрашным громом и стуком. Крылатые змеи нападали на исполина и старались, захватив оного, повергнуть на колесо, и сей с крайним усилением отбивался от оных, беспрестанно между тем защищая вход покушающимся богатырям.

Не знал я, что заключить о поступке исполина. Непонятно мне было, каким образом он, находясь в очевидной опасности быть повержен на раскаленное колесо, имел столько лютости умерщвлять людей, пекущихся, может быть, избавить его от нападающих змиев. Но взор на погибель множества столь отважных богатырей исполнил меня справедливого гнева. Я бросился спасти их и истребить чудовище. В приближении моем к мосту гром и стук в пропасти усугубился, так что казалось, весь свет в ничто преобращается. Крылатые змеи устремили на меня пламенное зияние, чудовища речные завыли ужасными голосами, и исполин протянул на меня все двадцать рук, выпустя из оных преострые кривые когти, подобно как испускает оные тигр, ловящий свою добычу. Потребно мне было все присутствие духа, чтоб не оробеть от сего трепетного позорища. Я ударил наотмашь саблею по исполину, и так удачно, что не осталось у него ни одной руки. Исполин заревел престрашно и бросился ко мне с разверстым зевом, чтоб меня проглотить, но второй удар отделил прочь дебелую его голову, коя упала к ногам коня моего. Я соскочил, схватил голову за волосы, и в то мгновение здание, вся окрестность, труп исполинов, река и мост с преужасным треском обратились в густой дым, коим меня всего покрыло. Земля колебалась под ногами моими, и казалось, что, вихрем подхватя, несло меня посреди непроницаемого мрака; однако ж я не упустил из рук головы исполиновой.

Представьте, всепресветлейший князь, в каковом был я удивлении, нашед себя чрез несколько мгновений на площади пред дворцом царицы узров! Вместо головы исполиновой держал я молодого человека красоты редкой. Я тотчас пустил волосы его из руки моей, и в том, как взирал на величественный вид его, молодой человек бросился ко мне с объятиями, приносил благодарность в чувствительнейших выражениях, выхвалял мою неустрашимость, и, словом, я узнал, что оный был очарованный князь Печенежский. Я оглянулся вокруг и не видел уже ни одного каменного истукана, ни мучащих оных нетопырей. Все восприяли прежнее подобие человеков и радостными восклицаниями наполняли воздух.

Между тем как народ стекался ко дворцу, любопытствовал я узнать причину жестокого поступка Сарагурова и подробности несчастного приключения народа узрского и избавленного мною князя, почему оный и начал.

– Несчастия мои и Карсены, царицы страны сей, заслуживают сострадание всякого великодушного сердца, каково ваше, ибо мы оных не заслужили. Я владетель сильного народа, обитающего по обеим сторонам Аральского моря, или известных свету храбрых печенегов. Курус мое имя, и в малолетстве моем, по особливому дружелюбию отца моего с царем узрским и славе наук, процветших в сем государстве, воспитывался я при дворе родителя Карсены славным волхвом Хорузаном. Сей наставник мой знал все таинственные науки и имел книги Зороастровы, однако ж никогда не употреблял власти своей к произведению зла и сии чародейные персидского волхва книги хранил с великим прилежанием. Сарагур, известный свету по своим лютостям, был родной брат отцу Карсены и также ученик Хорузанов. Лютый нрав его приметен был еще с малолетства, и для сей причины Хорузан скрывал от него все, чем только могла злоба его учиниться страшною. Я и царевна узрская возрастали вместе, восчувствовали взаимную страсть, и от времени любовь наша учинилась неистребимою. Царь узрский со удовольствием взирал на оную, яко на посредство, коим две сильные державы

совокупятся, ибо Карсена была единочадная дочь его, а я наследник престола в отечестве моем. Но Сарагур уповал чрез брак с племянницею своею получить корону. Я пресекал его надежду и был потому предметом жесточайшей его ненависти. Не смел он нападать на меня, ведая милость ко мне своего брата и любовь всех узров, ни покушаться на жизнь мою, когда покровительствовал меня Хорузан, посему удалился он из отечества и тайными происками довел до крайнего разрыва народы печенежские и узрские. Дружество владетелей рушилось, жестокая война возгорелась, и я отозван был ко двору родителя моего. В слезах расстался я с моею возлюбленною. Мы были в отчаянии, но уверили друг друга, что сердец наших ничто разлучить не может. Едва успел я застать в живых отца моего. Жестокая болезнь лишила меня оного на другой день моего приезда. Я взошел на престол, остановил неприятельские действия и чрез торжественное посольство искал у царя узрского возобновления его ко мне прежних милостей, требовал дочери его в супружество и предавал ему скипетр печенежский в залог преданности моей к нему, не хотя при жизни его нигде быть владетелем, кроме сердца Карсенина. К несчастию, Сарагур возвратился ко двору своего брата. Он в странствии своем прилежал в изучении чернокнижной науки, убил предательски Хорузана, завладел книгами Зороастровыми, учинился страшен и самому аду и очарованиями отвратил от меня сердце царя узрского. Все предложения мои отвергнуты, и я принужден был вести оборонительную войну, понеже и самый мир не дозволен мне был. Я поручил управление государства и войск моим вельможам и военачальникам, а сам заключил тайным образом видеться с Карсеною, и если не возмогу покорностью моею убедить родителя ее, то склонить ее к бегству в мое государство.

Между тем Сарагур со всею своею чародейною помощью не мог склонить сердца Карсены, ни довесть царя-брата согласиться на такой кровосмесительный брак, ибо некая благодетельствующая волшебница, именем Добрада, в том ему препятствовала. Однако ж нашел он время, в которое удалось ему отмстить мнимое презрение своему брату. Он отравил его, старался похитить престол и жениться силою на Карсене. Убийство его открылось, ненависть общая усугубилась к нему, и должен был он оставить государство, понеже опасался смерти, для того что есть часы, в кои и чародеи не бывают безопасны. Карсена возведена на престол, и я предстал ей, уже увенчанной диадемою. Кто только любил страстно и был любим взаимно, может вообразить нашу радость. Я объявлен был женихом царицы узров, и назначен день, в который следовало соединиться двум сильным державам, истребиться навеки их вражде и мне учиниться счастливейшим из смертных. Я сидел у возлюбленной моей Карсены, разговоры наши исполнены были нежности, прекрасная рука ее прилеплена была ко устам моим; вдруг сильная буря вырвала окончины в комнате, где мы сидели, густое черное облако влетело к нам, и из оного выскочил Сарагур во всем своем страшном снаряде. В руке держал он жезл, обвитый змеями, зодиак висел через плечо, и страшная пена била изо рта его.

– Изменники, – вскричал он, – вы не можете довольно претерпеть за оказуемое мне поругание!

Тогда пробормотал он некие непонятные слова, бросил письмо на колени моей возлюбленной, и в то мгновение увидел я ее обращенную в камень.

– Сего состояния не может быть пристойнее твоему нечувствительному ко мне сердцу, – сказал он.

Вся кровь во мне закипела. Я хотел обнажить меч мой и наказать мучителя, но руки мои мне не повиновались. Чародей ругался моим бессилием и продолжал:

"Я презираю гнев твой, слабый князь! Ты не будешь никогда владеть твоею Карсеною. Она будет иметь прежние к тебе чувства в своем окаменении и вечно тебя не увидит, равно и ты ее". Сказав сие, подхватил он меня за волосы и помчал по воздуху. Я видел всех людей и тварей, во всем государстве превратившихся в камень. Наконец чародей провалился со мною в землю, где произвел все, что вы видели: ужасное то здание и чудовищ, змиев крылатых, и меня учинил исполином, коего вы убили и тем разрушили очарование. Я должен был мучиться беспрестанным страхом от змиев, поминутно старающихся подхватить меня и повергнуть в пропасть горящую на раскаленное колесо. Я имел прежние чувствования к моей царице и терзался отчаянием, что никогда ее не увижу и что никогда не освобожусь моего мучения, ибо чародей, предвидя по своей науке, что должно мне быть освобожденному богатырем, не рожденным от матери (как сам мне о том сказал он для усугубления моего отчаяния), учредил для устрашения оного пугающие древеса с человеческими головами, войско полканов и приведенных богатырей, коих я с крайним отвращением и мучением совести, противу воли моей погублял. Сарагур думал, что удобно оное устрашить всякого смертного от покушения, и я не ожидал моего спасения, потому что думал, не можно быть на свете богатырю, не рожденному матерью. Но вы, храбрый избавитель, разрушили очарование и возвратили бытие целому народу". Князь Печенежский окончил, и мы увидели царицу узрскую, идущую к нам со всем двором своим. Я прехожу описывать восторг четы любящейся и силу благодарности, коею платили мне все узры за свое избавление. Карсена уведомила меня, что она "имела все чувства во время своего окаменения, что трепетала о мне, когда я сражался с чудовищем, что терпела несносное мучение от огненных нетопырей, что избавлена от оного представшею к ней женщиною в белом одеянии, которую по описанию признал я за Добраду, что оная возвратила прежний вид всем ее подданным и уведомила ее, что очарование Сарагурово уничтожено мною, что жених ее избавился от своего мучительного превращения, и счастье их учинится невозмущаемым, ибо Сарагур погиб от руки государя Болгарского, что оная женщина после того стала невидима, сказав, что и о имени ее узнаем от своего избавителя". Я уведомил царицу узров, что она со всеми своими обязана не мне, но всегда покровительствовавшей им волшебнице Добраде, которою я приведен был в ее государство и подкрепляем в моих подвигах. Но сие не мешало изъявлять им свое ко мне признание. Они убеждали меня остаться с собою и быть участником их счастья и напастей на всю предыдущую жизнь, даже что князь Печенежский предлагал мне свое государство во владение, но я, быв предопределен от моей благодетельницы совсем к иному роду жизни, отверг сие предложение и остался только на некоторое время при дворе узрском, в которое видел я совершившееся желание нежных любовников и всеобщую радость соединенных узров и печенегов, составивших с того часа единый народ. Желание получить меч Сезострисов не давало мне покою. Я простился с государями узрскими, к крайнему их сожалению, потер мой перстень, увидел моего коня, воссел на оного и продолжал путь мой, дав волю коню везти меня, куда он хочет.

Чрез несколько дней взъехал я на пространную долину, которая вся покрыта была человеческими костьми. Я сожалел о судьбе сих погибших и лишенных погребения и предался в размышления о причинах, приводящих смертных в столь враждебные противу себя поступки. Но задумчивость моя пресеклась тем, что конь мой вдруг остановился. Я понуждал оного вперед, он ни шагу не двигался. Я окинул взорами и увидел пред собой лежащую богатырскую голову отменной

величины [*Богатырские кости признавались по отменной толстоте своей, и богатырь, наезжающий оные без погребения, долженствовал их предать земле*]. Жалко стало мне видеть сию, валяющуюся, может быть, между костями погаными. Я сошел с коня и вырыл яму, вознамерясь предать земле кость богатырскую. Окончав рытье, поднял я голову сию и увидел под оною превеликий медный ключ. Окончав погребение и, по обычаю, воздвигнув признак, воткнул я мое копье над гробом, ибо не было никакого иного оружия, кое следовало повесить над могилою богатырскою, и в честь сего не пожалел я копья моего. Потом взял я ключ и прочел на оном следующую надпись на славянском языке:

Доброе дело не остается без награды. Возьми сей ключ и шествуй на восток. Ты найдешь медную дверь, и сей ключ учинит тебя владетелем великого сокровища...

"Но на что оное богатырю странствующему!" – думал я и хотел продолжать путь мой, но конь мой не вез меня, кроме на восток. Я принужден был следовать его желанию, и он остановился пред утесом высочайшего хребта гор Рифейских (Уральских). Я увидел медную дверь, заросшую мхом, любопытствовал узнать хранимое за оною сокровище, ибо не сомневался, чтоб не к сей двери был мой ключ. Я отпер двери. Пространная палата, вытесанная в горе, представилась глазам моим. Не нашел я там никаких сокровищ, но довольнее был, нежели бы овладел богатством всего света, увидя в одном углу множество доспехов богатырских, в другом углу – копий булатных, в третьем – мечей множество, и я уповал уже обрести между оными Сезострисов. Но, перебирая оные порознь, меч мой с меня не спадал, следственно, и не находилось тут искомого, хотя все оные были доброты редкой. Во время сего упражнения громкий человеческий чох обратил взор мой в четвертый угол, в коем увидел я лежащего воина, от глубокого сна пробудившегося. Я подошел к оному, спрашивал его с вежливостью, кто он, и кому принадлежит палата сия, хранящая столькие сокровища богатырские. Воин встал и с глубоким поклоном ответствовал мне:

– Все сие принадлежит вам, ибо вы имеете ключ от кладовой сильного, могучего богатыря Агрикана, а посему и я верный ваш слуга Тароп.

Любопытно мне было уведать яснее как о Агрикане, так и о нем, почему и просил я его объявить мне о том подробнее. Тароп повествовал:

– Откуда родом был славный и сильный богатырь Агрикан, почти никто не ведает, а известен он по великим делам своим. Не осталось ему ни спорника, ни поборника на белом свете во всю жизнь его. Я верно служил ему двенадцать лет за то, что отнял меня у Яги Бабы и воспоил, воскормил меня вместо отца-матери. Проехали мы с ним все море Казарское (Каспийское), всю землю Заяицкую и всю землю Закамскую, побили войска сильные и покрутили могучих богатырей, которых доспехи и оружие вы здесь видите, но я не мог узнать, откуда Агрикан родом был, и как величали его по отечеству. Наконец Агрикан преставился. Пред смертью он учинил завещание, чтобы я прокликал клич во всю землю и созвал бы сильных, могучих богатырей, чтоб они похоронили оного близ устья Сакмары-реки, где оная впадает в Яик-реку, и, сделав по нем тризны [*тризны – поминовение усопших, по обычаю славянских идолопоклонников*], переведались между собою о его сокровищах. Кто останется победителем, тому и палата сия, тому и я, верный Тароп-слуга. Я исполнил повеление его, отвез его тело на то место, где он себя похоронить велел, и скликал сильных, могучих богатырей. Оные съехались, предали тело земле со всякою честью, посыпали над могилою высокий курган [*Сей курган, или холм, виден поднесь и находится верстах в трех от Оренбурга, в*

правой стороне, едучи к сему городу от Казани] и отправили тризны. Потом выбрали для побоища то место, где ты видел множество костей человеческих. На сем побоище было богатырей трижды тридевять. Оные осмотрели сперва кладовую Агриканову и о таковых сокровищах возрадовались, ибо я пересказывал им, чьи были доспехи, какого богатыря меч-кладенец или копье булатное, и всякому хотелось получить то во власть свою, что Агрикан собрал во всю жизнь свою и своею добыл рукой крепкою. Они бились дней трижды тридевять, не пив, не ев, со добрых коней не слезая, и все погибли, кроме одного сильного, могучего богатыря Еруслана Лазаревича. Он остался победителем, ему я отдал медный ключ и себя в услуги верные. Мы приехали в сию палату. Но как Еруслан бился с богатырем Косожским и почти силы равной, то получил язву крепкую. Он ночевал со мною в сей кладовой своей, и язва его загорелась огнем смертным. Он призвал меня голосом болезненным и вещал ко мне: "Ты гой еси, верный Тароп-слуга! Вижу я кончину свою скорую, не жить уже мне на белом свете, не владеть сими сокровищами. Я видел ныне во сне сильного, могучего богатыря Агрикана. Он возвестил мне конец мой и велел тебя со всеми сокровищами запереть в сей палате, а мне, взяв ключ, идти на ратное поле и там посреди прочих богатырей окончить жизнь мою. Я оставляю тебя. Ты будешь спать сном богатырским лет ровно тридевять, а я столько лет лежать без погребения, ибо чрез все оное время не выищется богатыря добродетельного, который бы, наехав, сжалился над моими костьми и предал бы их погребению. Однако не опасайся, не останешься ты вечно в сем заключении. Найдется богатырь, от коего и твое имя учинится в вечной памяти и коему ты послужишь верой-правдою". Сказав сие, простился Еруслан со мною, запер меня в сем месте, и я спал, не просыпаючи. Теперь же вижу, что настает мне служба великая; для того не сомневаюсь, чтоб не вы были тот славный богатырь, который погреб кости Ерусланови, и у которого определено мне в верных услугах прославиться".

Я обрадовался, что достал себе такового слугу доброго, подарил ему со правой руки золот перстень, данный мне между прочими дарами от царя узрского. Тароп обрадовался сему моему приласканию и на вопрос мой:

– Что нам пользы в сей сбруе ратной, когда мы уже имеем на себе все доспехи богатырские? – ответствовал:

– Должно сказать правду, что все сие собрание означает только тщеславие Агриканово. Он хотел перевесть всех славных богатырей своего времени для того только, чтоб после показывать снятые с них, низложенных им, доспехи. Но какая польза из всей человеческой суетности! Никто не видал плодов его побед. Он умер; чувствует ли он то удивление, кое только одно осталось в свете в его памяти? Однако ж, как не было ни одного храброго человека, который бы не оставил из подвигов своих плода, полезного потомству, то и Агрикан положил основание к славе вашей, кою необходимо должны вы приобрести, владея копьем Нимродовым, хранящимся между сего оружием. Сила оного неизреченна. Никакое оружие, ниже очарованное, не может выдержать его ударов; напротив, само оно ни от чего не сокрушится. Я расскажу вам происхождение, каковым образом получил оное Агрикан, как слушал я от исполина Аримаспа, хранившего оное и рассказывавшего после низложения своего на поединке с Агриканом. Нимрод – царь Вавилонский, который был исполин из числа воевавших противу Перуна, и притом великий чародей. Когда они громозтили горы на горы, желая взойти на небо и овладеть жилищем богов, при низложении всех их громовым Перуновым ударом остался жив только один Нимрод, ибо ему отшибло только ногу. Он успел схватить

отломок громовой стрелы и скрыться с оным в ущелии земном. Из сего отломка с помощью своего чародейного искусства сковал он копье сие, но гнев богов постиг его за сие святотатство. Он учинил оружие на собственную погибель, для того что никакой металл вредить ему не мог, а сим копьем, похитя оное у сонного Нимрода, убил его Агарянский витязь Дербал. По смерти Дербаловой, получил оное по завещанию Навухудоносор-царь и, наконец, Кир, царь Персидский, по завоевании Вавилона нашел оное в царской сокровищнице. Когда Кир погиб от руки царицы Савской, копье сие похищено волхвом Зороастром, или Цердучем. Сей по зависти, что Нимрод возмог достать часть божественного Перуна и сделать таковое непобедимое оружие, хотел оное уничтожить, но, не возмогши оного разрушить, заключил скрыть оное от очей всего света. На сей конец разорвал своим чародейством величайший утес гор Рифейских, положил в расселину копье и велел горам сступиться по-прежнему. Сим еще не удовольствовался он, но воздвиг волхвованием железного исполина, препоруча ему убивать всех мимоходящих, дабы в том числе не избег и тот, кто, по какому ни на есть случаю проведав о копье сем, вознамерится оное достать из недр горных. Сего волшебного исполина раздробил дубиною одноглазый исполин Аримасп. Проведав от славного волхва Хорузана о месте, где копье хранится, достал оное и так возгордился таковою добычею, что, воткнув оное на том месте, накликивал на себя всех богатырей для сражения за сие копье. Множество славных богатырей покушались овладеть столь редким сокровищем и заплатили за то своею жизнью. Аримасп побил всех их своею палицею. Наконец дошел слух до нас. Агрикан той же минуты поскакал искать Аримаспа и сразился с ним. Я не могу вам довольно описать ужасную их битву, силу исполинову и неслыханную крепость Агриканову. Исполин имел железную палицу величиною с превеликое дерево. Оною, сразясь, ударил он Агрикана в самую голову столь жестоко, что палица разлетелась в мельчайшие крошки, но Агрикан ниже пошатнулся. В сем-то и состояло несчастье исполиново, ибо он не имел никакого иного оружия и, лишась своей палицы, долженствовал драться одними кулаками. Но что уже могли оные, когда бессильна была и палица? Он избил себе руки в кровь, и Агрикан только смеялся его слабости, не причиняя никакого вреда своим оружием. Наскучив продолжать шутку, дал ему такой толчок в брюхо, что Аримасп отлетел сажен на триста и растянулся, как гора, без памяти. Агрикан не хотел лишить оного жизни и имел чрез то больше славы, понеже исполин, отдохнув, стал пред ним на колени, признал себя побежденным и вручил копье сие, прося себе пощады, и рассказал сию о оном повесть. Агрикан, приняв копье, даровал ему жизнь с условием во весь век его, чтобы не нападал он ни на одного славянина (для того что Агрикан сам был из сего народа). Исполин обещал оное клятвенно и пошел за море Казарское. Мы три дня ехали, а Аримасп шел от нас прочь, но едва на четвертый день сокрылся он из виду. Таков велик был рост его.

Рассказав сию повесть, Тароп показал мне копье, ибо сам никак не мог поднять оного. С великим восхищением принял я сие редкое оружие во власть мою. После чего Тароп предложил мне взять коня Агриканова, хранившегося в одном потаенном чулане вместе с его. Я согласился воссесть на оного, для сбережения моего коня к лучшим подвигам, нежели к продолжениям пути, и на сем Агрикановом коне приехал я, заперши кладовую мою и отдав ключ от оной слуге моему Таропу, ко двору государя Болгарского, в столичный град его Боогорд.

Ужасное смятение происходило в сем городе. Государь гнал своих подданных, а народ ненавидел своего монарха. Исполин Тугарин Змеевич овладел

всею склонностью князя Болгарского. Сей обещал сестру свою Милолику в супружество чудовищу, и на сем только условии оставил оный опустошать царство Закамское. Но я не распространяюсь в повести сего чародейного исполина. Довольно, надеюсь, известна оная вам, пресветлейший князь, ибо я слышал, что княжна Болгарская после похищения досталась в объятия ваши и, разделяя с вами добродетели и скиптр Российский, конечно, возвестила о происхождении и злобе Тугарина. Итак, я донесу только, что если сей исполин оставил опустошать государство князя Тревелия, то произвел оное в нраве сего государя. Он развратил и заразил оный своею лютостью. Народ в государе справедливом и человеколюбивом увидел мучителя и проливал кровь свою, теряя к нему любовь и почтение. Один только страх от исполина удерживал бунт, готовый вспыхнуть величайшим пожаром. Но время сие приближалось с прибытием моим ко дворцу.

Понравился я несказанно Тревелию. Сей принял меня во услужение и, видя склонность мою к оружию, определил хранителем своей оружейной палаты – чин первый в государстве после военачальника. Тайное побуждение влекло меня принять милость сию с благодарностью. Тугарин, предчувствуя силу моего оружия, возненавидел меня с первого взгляда; и ненависть его умножилась, когда я, представленный ему чрез князя, не захотел воздать введенного для него коленопреклонения. Понеже я на побуждения к тому Тревелиевы ответствовал:

– Не можно мне поклониться богатырю, коего сил я еще не ведаю. Я не считаю себя ничем его слабее; и если хочет он моего коленопреклонения, пусть принудит меня к тому оружием.

На сей досадительный ответ исполин не сказал ни слова, и князь не принуждал уже меня более.

Настало время величайшего моего счастья. Я вошел во оружейную княжую для осмотра вверенного мне оружия. Казалось, что богатства персидские заимствовали из сей палаты. Но не можно мне объявить подробно о редкости оружия. Я не имел времени рассмотреть оное, для того что меч мой спал с меня при самом почти входе, и увидел я чудный меч Сезострисов, колеблющийся посреди прочего множества висящего оружия. Восторг мой был невообразимый! С коленопреклонением принял я оный, яко дар богов, препоясал по чреслам моим и, надеясь на слова благодетельствующей мне Добрады, уверен был, что произведу с сего часа множество славных подвигов и буду истинным защитником гонимых и добродетели. Меч сей не имел никакого украшения, но вес его был в полтораста пуд и крепость непонятная. Вы, пресветлейший князь, – продолжал он ко Владимиру, – видите оный на бедре моем.

(Владимир удивлялся и получил великую надежду о силе богатыря, который повествовал о себе далее.)

Тугарин по своей чародейной природе предчувствовал, может быть, что я овладел мечом Сезострисовым, и убегал меня. В сие время похищена была княжна Милолика. Ярость исполина учинилась ужасна, но не смел он в бытность мою явить мщение свое на болгаров, коих считал всех участниками в ее побеге. Он лукавыми советами возбуждал лютость в Тревелии и приводил ему подданных в подозрение. Кровопролитие, неправосудие и бесчеловечие приводили меня в жалость, но не мог я напасть на причинителя сего, хотя ведал, что Тугарин был вина оному, ибо опасался раздражить тем благодетельствующего мне князя и ожидал только способного случая с благопристойностью низложить сие чудовище.

Ужасный полкан, пришедший от степей Заастраханских, появился в пределах Болгарии и опустошал стада скотов, отгоняя оные и поедая. Покушались на оного

тысячами люди отважные, но погибали от сильных рук его. Тщетно просил исполина Тревелий защитить свое отечество от такового хищника. Тугарин отрекся и сказал еще князю с насмешкою, что богатырь его Добрыня может сослужить сию службу. Дошел о том слух до меня. Я вызвался привезти ему голову полканову, но с условием, чтобы после того дозволил он мне принудить Тугарина со мною биться. Князь, убежденный разорением своего государства, позволил на оное и дал свое государское слово, как ни привязан был склонностью к исполину, ибо приворочен от него был силою чародейскою.

Я выехал, нашел полкана, сразился. Не нужно описывать мое с оным побоище, ибо не было тут ничего чрезвычайного. Бесплодно бросал в меня полкан камни величиною с горы и пускал свои трехсаженные стрелы. Я напал, сбил оного с ног, сорвал с него голову, привез в Боогорд. Город сей нашел я в великом смятении. По выезде моем на полкана исполин действовал чрез князя всею лютостью. Он чаял открыть пытками место, где скрывается княжна. Кровь проливалась, и бесчеловечие было тем жесточее, чем Тугарин был не удерживаем опасностью от меня. Народ взволновался; воины, чернь, жрецы, весь город бежал с оружием, и верховный жрец нес истукан Чернобогов. Восклицание "Да погибнут мучители!" было единым звуком, слышанным во всеобщем шуме. Безумная чернь хотела погибнуть или убить исполина. Она погибла бы, если бы предшествующий истукан не представлял ужасного вида для Тугарина. Сей, видя злобу свою удерживаему заклинанием жрецов, обратил оную на несчастного князя. Он проглотил Тревелия и удалился из Болгарии.

(Владимир жалел чрезвычайно о погибели сего родственника жены своей и что до тех пор не веровал в Чернобога, который, как узнал он из повествования Добрынина, властен бы был отогнать сие чудовище, опустошающее пределы Киевские. Богатырь уверял его, что оное уже теперь не нужно, что довольно единого его оружия освободить не только Киев, но и свет от сего вредного исполина, и просил дослушать повесть).

Я усмирил мятущийся народ, собрал всенародный совет, уговорил вельмож не приступать к выбору государя, доколе я отмщу на исполине злосчастного Тревелия и не сыщу их законную государыню Милолику. Повиновались моему совету, и правление принято вельможами, а я следовал по стезям исполиновым до Киева.

Во время пути узнал я, что вы, пресветлейший князь, получили с сердцем прекрасной княжны и право на престол Болгарский. Уведал я, что опасность от нападения исполина окружила престольный град твой. Я пришел посвятить себя на всю жизнь мою в верные услуги твоего величества и начать оные истреблением Тугарина и покорением, в случае противления, царства Болгарского. Я обещаюсь привезти тебе воткнутую на сие копье голову исполина и ожидаю лишь повеления к начатию.

* * *

Добрыня окончил свою повесть и поверг себя на одно колено пред великим князем. Владимир, восхищенный приобретением такового поборника, восстал со своего престола, снял с себя золотую гривну [Золотая гривна значит цепь, которую носили на шее только монархи и те, коим за великие заслуги от оных был жалован сей знак отличия] и возложил оную на Добрыню.

– Сей залог моей милости, – сказал он, – да уверит тебя, в коликую славу государствования моего вменяю я иметь богатыря сильного и могучего таковых заслуг, каковые ты имеешь. Вид твой уверяет меня довольно, чего должна ожидать от храбрости твоей земля Русская, и что предстоит от руки твоей Тугарину.

Посем, воздвигнув Добрыню, повелел отвести ему жилище в своих чертогах златоверхих, оказывать почести достойные. Добрыня отшел по принесении благодарности на отдохновение после трудов дорожных, ибо солнце клонилось уже к западу, и наутрие определен был ему подвиг на Тугарина.

Бирючи (провозглашатели) ходили по всему пространному Киеву, возвещали народу, чтоб наутро выходили на стены городские смотреть побоища. Алтари курилися возношением к бессмертным, жрецы благословляли исход богатыря своего, проклинали исполина, и сам первосвященник стоял на коленях пред истуканом Перуна, ибо уповал, что Добрыня приведет ему Тугарина связанного, и он будет иметь честь перерезать горло чудовищу. Великий князь отшел с сердцем, исполненным упования, в покои супруги своей и утешал оную, проливающую слезы о погибели брата ее.

Багряная Зимцерла [*Зимцерла – богиня зари, или славенская Аврора*] распростерла свой пламенный покров на освещающееся небо и разноцветными огнями устилала путь всемирному светилу, которое осияло нетерпеливых киевлян, уже дожидающихся решения судьбы своей на стенах градских. Все валы, бойницы, башни, кровли зданий покрылись народом. Сам великий князь с пресветлейшею супругою своею и вельможами, окруженный телохранителями, восшел на возвышенное и нарочно для того приуготовленное место на вратах великих и ожидал выезда богатыря, чтоб из своих освященных рук окропить его чудотворными водами божественного Буга.

Наконец звук бубнов и гром рогов ратных возвещает исход богатыря на подвиг. Сто тысяч всадников, облаченных в доспехи позлащенные, с воздвигнутыми копьями, начинают предшествие. Они выезжают из врат и становятся в полукружие близ стен Киева. Богатырь появляется напоследок окропленный уже во вратах из рук княжеских. При взоре на него народ подъемлет радостные восклицания. Воинство русское потрясает непобедимыми своими копьями в почесть богатыря храброго... Но должно учинить описание особы его, оставленное нам в песнях, в похвалу его сочиненных и воспеваемых чрез многие веки в пример витязям времен позднейших.

Красота молодости и грозящая неустрашимость соединялись в чертах лица его, чтоб представлять вид величества всем на него взирающим. Живой огнь, блистающий в очах его, возвещал надежду, обретаемую уже народом при его появлении. Курчавые светлые власы колебались рассыпанны из-под шелома блестящего и, кажется, споровались с крепостью широких плеч, силу ли оных или прелести их предпочитать должно. Белизна рук равно как бы жаловалась, для чего отделившиеся мышцы и твердые жилы тмят нежность десницы, ужасающей природу; но копье Нимродово уверяло, что не слабым прелестям управлять оным удобно. Горящая от злата броня совокупляла пламень свой с пылающим в сердце витязя, и закаленный металл не дерзал противуборствовать крепости рамен его. Он распространялся и сжимался с каждым его дыхновением. Конь, посрамляющий бодрость и неукротимость водных коней, толико ужасающих жителей брегов Нила, гордился своим бременем и не хотел касаться земли. Звук бубнов возжигал кипящую кровь его, и дыхание его излетало в пламенном паре. Верный слуга Тароп в сединах своих, смелом и веселом виде казал, что ему только довлеет следовать за

победителями целого света. Он вез щит господина своего, изваянный из непроницаемого мозга гор Кавказских и никогда оным не употребляемый. Перья орлов камских выглядывали из-за рамен его, скрывая перуны, изобретенные смертными в позлащенном туле (колчане для стрел). Напряженный лук грозил из-под щита господского, готовый бросать смерть во врагов добродетели... Сей был вид исходящих в защищение Киева.

Добрыня Никитич уже за вратами, ратное поле представляется очам его, и шатер противника воспаляет его храбрость. Он с покорным видом обращает коня своего пред лицо великого князя и троекратно до земли уклоняет копье булатное.

– Великий обладатель россов и всего славенского племени, – вопиет он, – достойный тебя, победителя гордых, указ несу я на казнь Тугаринову. Се исхожу отмстить за тебя, твою пресветлейшую супругу и за добродетель.

– Гряди в час, покровительствуемый богами, – отвещал Владимир и посылает к нему злат перстень с правой руки, а великая княгиня ширинку шелковую златошвейную.

Богатырь уклоняется от главы коня, тронутый сею милостью, надевает перстень на десницу свою, а ширинку прицепляет к перьям, шелом украшающим. Звук бубнов вновь начинается, троекратный клик воинства потрясает своим ратным гласом долины днепровские. Сильный, могучий богатырь укрепляется в стременах своих, отдает копьем честь государям и разъяряет коня острогами. Сей летит в поле, яко молния, и бугры белых песков киевских, раздаваясь на обе стороны облаком, означают путь витязя, провождаемого радостными воплями народа.

Спящий исполин пробуждается, чародейное сердце его возрождает предчувствие грозящей ему погибели, а злоба адская, его одушевляющая, разливает яд лютости в черной крови его. Рев его при слышании противника уподобляется бурливым ветрам, вырвавшимся из заклепов горных. Мятущийся, свирепствующий, садится он на чародейного коня своего, проклинает богов и Владимира и с распростертыми руками стремится на богатыря, чтоб, схватя, проглотить оного. Увидя страшного себе оружехранителя князя Болгарского, он упинается, трепещет оного, как и прежде, но род духов темных, его окружающих, подстрекает. Он надеется на свою непроницаемую броню, сооруженную всем искусством ада, простирает паки дебелые руки и стремится с вящей яростью. Кровавая пена брызжет из пасти его, подобной жерлу клокочущего вулкана.

Добрыня насмехается злобе его и не обращает оружия, чтоб тем вяще раздражить его. Трепещущие сердца зрителей и очи обращены на своего витязя, все исполнены ожидания.

О муза, к тебе только должен я вознести мою жалобу! Для чего не был я свидетелем побоища, которого свет никогда уже не увидит? Я воспел бы то уверительно, чему удивляюсь только по одним слухам, доставившим сие повествование перу моему! Ты, о муза, современствовавшая всем древнейшим подвигам, возгласи ныне чудеса, ожидаемые моими читателями!

Уже руки исполиновы, подобные толщине дубам, равнолетним земле, растущим в лесах Брянских, висят над главою Добрыниной, длани страшные закрывают богатыря от очей ужасающихся зрителей. Они чают его погибша и в болезненных криках являют страдающие чувствования. Между тем богатырь силою чрезмерною отбивает только кулаками руки Тугариновы, и сей с болезненным стоном опускает оные, не стерня ударов. Он наклоняется с коня, растворяет рот, кусает богатыря из всех сил, но поверите ли, читатели! Исполин, крепко тиснув, лишается всех зубов своих. Яко камни, отторгнувшиеся с верху гор, падут оные с

ужасным стуком и потрясают землю, а богатырь получает только синево от давления, от коего треснула бы гора адамантная. Добрыня, почувствовав боль, свирепствует. Он хочет прежде лишить его коня, пособляющего ему в нападении. Поражает копьем Нимродовым грудь сего животного, воздвигнутого чарованием.

Сила сокрытого в копье огня Перунова уничтожает произведение гееннское, конь рассыпается в прах; земля, зинувши с престрашным треском, поглощает смрадные оного остатки, и сам исполин увязает в земле оступившейся. Но он выдирается и с вящею злобою зияет на Добрыню. Так бросается бешеный пес на презирающий его камень. Между тем богатырь скучает продолжать подвиг, исторгает меч Сезострисов и торчмя ударяет в грудь чудовища, желая одним ударом низвергнуть его в ад. Волшебная броня оказывает ему последнюю помощь. Она спасает жизнь Тугарину, но сама рассыпается и превращается в дым, который поднимается в густом облаке на воздух. Князь адский со всем сонмищем своим в виде ужасных змиев является и поглощает остатки своего порождения. Громы гремят, вихри наполняют мраком чистое поле ратное, а изумленные зрители со стен чают видеть разрушение природы. Уже оплакивают погибель своего защитника. Но мрак рассеивается, они видят богатыря, гонящегося с мечом за удаляющимся в трепете исполином. Погибель неизбежна! Меч наднесен почти к произведению ударов. Взирающий князь и все множество народа отдыхают и готовы возгласить победу. Вдруг злые духи спешат на помощь возлюбленному своему чаду, заслоняют исполина, испускают пламенную реку на Добрыню, но сия не дерзает противу влажностей священного Буга, обращается вспять и опаляет чудовище. Тугарин возревел, и духи, сберегая другой плод своей злобы, поднимают оный на воздух. В мгновение не видно стало змиев, и является только Тугарин, парящий на крылах бумажных. Он опускается к горе Киевской, отрывает великую оной часть и, воздвигнув на высоту, надлетает на богатыря, чтоб раздробить оного. Вопли ужаса предвещают устами народа опасность неустрашимого богатыря, который без робости идет навстречу всем нападениям случая и подставляет только одну расширенную ладонь на отражение горы, имеющей в него опровергнуться.

В сие смятенное мгновение неустрашимый и привыкший к опасностям Тароп видит опасность господина своего. Он вынимает стрелу свинцовую, окропляет оную водами бугскими, напрягает лук и поражает чародейные крылья Тугарина. Силы адские отженяются и оставляют исполина, который упускает камень и стремглав разится о землю. Добрыня Никитич совершает судьбу его. Он сходит с коня, наступает ногою на горло чудовищу и сильною своею десницею срывает страшную голову от дебелых плеч и, вонзая на копье, возглашает победу, а Тароп подтверждает оную, вострубив в рог ратный. Чудовище, кончая жизнь, трепеталось столь жестоко, что выбило ногами превеликую долину, поднесь еще на месте оном видимую, а кровь его на три часа произвела в Днепре наводнение.

Богатырь довольствовался восхищением о исполнении своего обета и упражнялся в похвалах верному своему Таропу-слуге, коего неустрашимость достойна была сего нелестного признания. Между тем истребление исполина, видимое со стен киевских, произвело великое торжество. Радостные рукоплескания и восклицания:

– Да здравствует великий князь и сильный, могучий богатырь его Добрыня Никитич! – наполняли воздух. Воинство потрясало оружием и сообщало вопль торжественный с гласом народа. Победитель хотел ехать, принесть отчет о своем подвиге великому князю, но узрел оного шествующа к нему, со всем великолепием двора своего. Он не садился на коня и шествовал пешим навстречу государю, неся знак победы своей, который с коленопреклонением поверг к стопам Владимира... Я

не распространяюсь в почестях, восприятых Добрынею от монарха русского и его подданных. Довольно сказать: Владимир умел награждать заслуги и справедливые россы платить благодеяния.

Но радость и приветствия должны были прерваться, чтоб с множайшим весельем проводить Владимира торжествующего в его столицу. Увидели труп исполинов подымающийся. В минуту уподобился оной горе и с прегромким треском лопнул, обратись весь в смердящую сажу. Только желудок его, подобный великой хоромине, остался цел и производил колебание, как бы что-нибудь имел в себе живое. Все обстоящие ужаснулись и ожидали, что выйдет из оного не меньше как чудовище. Добрыня готов был истребить сие при самом его начале и приложил уже копье свое, но едва острие оного коснулось, желудок обратился в водяные пары, а голова исполина в пламень, и рассыпались в воздухе. (Но кое явление! О удивительный, невероятный случай!) На месте желудка усмотрели восстающих, поглощенных исполином Болгарского князя Тревелия, его воинов и киевских витязей. Они были бледны, как усопшие, и чаяли видеть только тени их. Однако свежий воздух оживил их вскоре, и радость усугубилась. Великая княгиня обнимала своего возлюбленного брата, которого уже память оплакала. Всяк находил родственника или друга в пожранных чудовищем. Удовольствие было общее. Наконец Владимир приветствовал государя Болгарского, и сей неожидаемо обрел в нем своего зятя, ибо Тревелий со времени похищения сестры своей ничего о ней не ведал и считал ее погибшею. Радость его была чрезмерна, видя сестру свою супругою сильного монарха, подающего законы царству Закамскому, и при слышании, что Добрыня удержал ему престол его, готовый предаться в руки другого; он действительно возвратился благополучно в свое государство принять с восхищением от своих подданных, кои нашли в нем прежнего отца, ибо Тревелий, побывав в брюхе у исполина, забыл свои лютости и учинился государем кротким. Добрыня в отплату похищенного меча из его оружейной подарил ему ключ от кладовой Агрикановой, а сие привлекло к нему множество богатырей, старавшихся заслужить и заслуживших доспехи редкие, во оной хранимые.

По окончании победы над Тугарином торжество продолжалось многие дни, и забавы усугублялись присутствием государя Болгарского, коим Владимир умел придавать великолепие и живость. Один только первосвященник Перунов ужасно сердился, для чего Тугарин истреблен, а не заклан на жертвеннике бога грому. Он предвещал гнев небес и множество несчастий. Однако судьба учинила его лжецом, ибо Владимир вскоре потом принял закон истинный и самого Перуна с братиею отделал ловко.

Добрыня Никитич окончил век свой при дворе Владимировом, в славе и почтении от своего государя и любим россами. Он не вступал в брак и провождал дни, по должности своей, в ратных подвигах и увенчал чело Владимирово множеством лавров. Он разбил троекратно воинство греков, побрал их города, лежащие на Черном, или Меотийском, озере. Херсон неприступный покорился руке его, и сия отверзла в него путь торжествующему Владимиру. Враждебная Польша не смела напасть на Белоруссию. Ятвяги, радимичи, косоги и певцины платили покорно дани, понеже трепет наполнял их от одного имени богатыря сего. Он в жизнь свою убил четырех чудовищ, сорок богатырей и разбил с одним слугою своим Таропом девятнадцать воинств. Сей верный слуга разделял с ним все опасности и труды и неоднократно пособствовал к победам, как то в сражении с Косожским князем Редедею, спас и жизнь ему. Сей Редедя был исполин и, отложившись от подданства Владимирова, не хотел платить дани. Посланный для

укрощения его Добрыня вызвал оного на поединок, но сей хитрый князь вырвал из рук его копье Нимродово и схватил в руки самого Добрыню, чтобы задушить его. Верный Тароп в то мгновение пустил в него девять стрел вдруг и выбил ему оба глаза, а Добрыня успел, освободясь, пересечь его мечом с головы до ног. Если слава сильному, храброму и добродетельному богатырю сему возглашает хвалу и в наших временах позднейших, поистине соратник его Тароп не меньше заслуживает вечную память.

Печатается по изданию: Левшин В. А. Русские сказки, Часть 1. М., 1780. Орфография и пунктуация старой печати приближены к современным нормам. Все подстрочные примечания принадлежат автору.